

Сюэ Чуньтао чуть не разгрызла серебряные зубы. Уставившись вслед удаляющемуся Цзи Жаню, она на мгновение скривила лицо, но выдержка у неё была отменная — даже в такой ситуации смогла взять себя в руки. Глубоко вдохнув, она вновь расплылась в улыбке и последовала за ним. Она всё ещё лелеяла надежду снова завести разговор, но Цзи Жань оказался чертовски хитер: всю дорогу он болтал о чём угодно, только не о том, что её интересовало. В итоге, когда её проводили за ворота усадьбы Цзи, она не только не получила никакой выгоды, но и ушла, не унеся с собой ни волоска.

А что до той самой телеги с новогодними гостинцами — это был скорее не ответный подарок, а полный возврат. Другими словами, ей вежливо отказали, и груз пришлось увозить обратно в том же виде, в каком и привезли.

Эта поездка стала для Сюэ Чуньтао полным поражением, лицо и достоинство были потеряны.

Но именно из-за того, что Сюэ Чуньтао не желала отпускать старика, Цзи Жаню пришлось временно отложить планы забрать дедушку. Однако он был уверен: та долго не продержится. Стоит ей понять, что с помощью деда больше не вытянешь из него пользы, и она сама придёт к нему, не дожидаясь его визита.

Интересно, что после этой словесной дуэли с Сюэ Чуньтао дурное настроение, оставленное принцессой Юйнин, у Цзи Жаня поухло. Выпроводив незваную гостью, он не стал идти в поля, а сразу вернулся в свой двор.

Едва войдя во двор, Цзи Жань задумался, присесть ли на улице или пройти в дом, как вдруг из пустоты материализовался Лу Чжэнь. В руках он держал ту самую поминальную табличку, которую принцесса Юйнин силой унесла с собой.

— Цзи Жань, я вернул её, — сказал Лу Чжэнь и, заметив, что взгляд юноши упал на табличку, добавил:

— Не волнуйся, я промыл её водой — ни следа женской пудры не останется.

Цзи Жань: «...»

Видя, что тот молчит, Лу Чжэнь решил, что он всё ещё переживает из-за того, что вещь побывала в чужих руках. Немного помедлив, он с выражением решимости, словно воин, отрубаящий себе руку, заявил:

— Если тебя так смущает, что её трогали, можешь бросить в очаг и сжечь. Потом вырежешь для меня новую своими руками, хорошо?

— До этого не дойдёт, я же не барышня, чтобы так церемониться. Но раз уж зашла речь о резьбе... — Цзи Жань сделал паузу. — Я даже не знаю, где твоя могила. Мы вместе уже больше полугода, а я ни разу не навестил её.

Тогда, на сотый день, он как раз собирался пойти, но планы нарушила Лэн Сянлянь, и дело заглохло. Потом Цзи Жань вечно был занят по уши. Да и к тому же Лу Чжэнь сам никогда не заговаривал о могиле. Даже когда Цзи Жань как-то спрашивал, внятного ответа, вроде бы, не получил. Неужели с могилой связана какая-то тайна?

Однако Цзи Жань зря волновался. Лу Чжэнь молчал не потому, что могила была окружена тайной и о ней нельзя было знать, а потому, что считал это бессмысленным. Горсть жёлтой земли, груда белых костей — какая в том необходимость? Ведь он и так был рядом с Цзи

Жанем. Зачем тогда смотреть на земляной холм и кости? К тому же, он твёрдо намерен был вернуться к жизни. Когда призрачный культиватор прорвётся через дао, сбросит старую оболочку и вновь родится человеком, кости прежней жизни будут для него всего лишь оболочкой, в которой когда-то обитала душа. Цепляться за них не было смысла.

Как и раньше, Лу Чжэнь почти машинально хотел отказать, но, увидев серьёзное выражение на лице Цзи Жаня, почувствовал, как в душе дрогнула струна.

— Отведи меня туда, посмотреть. В праздники, в день смерти, в праздник духов — можно будет прийти, подмести могилу, три благовонные палочки воткнуть, добродетель накопить. Может, для твоего совершенствования польза будет. Ведь камень возвращения к жизни — вещь туманная и абстрактная, и не факт, что найдётся. А так, по крайней мере, будет на что ещё надеяться, — сказал Цзи Жань, глядя на Лу Чжэня, а сам думал: если могила окажется слишком убогой, можно потом стелу поставить — не хуже, чем табличка. Главное — в землю вкопать, посмотрим, кто посмеет отобрать!

— Хорошо, я отведу тебя. В любое время, когда захочешь, — ответил Лу Чжэнь, не ведая истинных мыслей юноши, и был глубоко тронут. — Цзи Жань, в этой жизни взять тебя в жёны — это и вправду великое счастье для меня, Лу Чжэня.

Цзи Жань похлопал его по плечу:

— Знаешь это и ладно. Я — посланник небес, спасающий тебя, юноша.

Улыбка Лу Чжэня замерла, а уголки глаз дёрнулись. Этот наглец умел ловко воспользоваться ситуацией! Но именно такой его нрав и был ему мил.

Что поделаться, одно другим управляет. Всю жизнь Лу Чжэнь был свободным и необузданным, а после смерти попал в сети этого юнца, который по сути был его сосудом для культивации. И вот... он не мог причинить ему вреда, не мог оторваться. Возможность провести с ним жизнь казалась уже важнее, чем достижение великого совершенства.

Вспоминая прошлое: тогда он стремился найти камень возвращения к жизни, чтобы достичь великого единения. А теперь... теперь он просто хочет сбросить старую оболочку, обрести плоть и кровь и сопровождать этого человека до конца его дней.

— Кстати, о камне возвращения к жизни. Мы ищем его так долго, деньги тратим, людей просим, а прогресса — ни на йоту. Может, такой вещи и вовсе не существует? — С того момента, как Цзи Жань твёрдо решил зарабатывать деньги на поиски камня, он постепенно начал действовать. Стало больше странствующих торговцев — расширились связи. Он и сам спрашивал, и других просил, даже у конских торговцев, приезжавших за овощами, пытался выведать. Но до сих пор не слышал ни о каком «занебесном чёрном железе» (камне возвращения к жизни). Похоже, эта штука, возможно, и не существует на самом деле. Но раз Лу Чжэнь верил, он, Цзи Жань, был готов цепляться и за эту слабую надежду, отдавая все силы на поиски.

— Обретёшь — моя удача, нет — моя судьба, — Лу Чжэнь, хоть и был одержим этой идеей, смотрел на вещи трезво. — Жаль только, что из-за этого тебе, Цзи Жань, придётся всё время маяться с таким призраком, как я.

— К чему эти церемонные слова? Я уже привык, — Цзи Жань взял Лу Чжэня за руку и потянул за собой. — Мне всё равно, какой ты. Пошли, раз собирался показать мне свою могилу?

Могила Лу Чжэня находилась в месте с хорошим фэншуй — типичный случай «высоко стоять, далеко глядеть». Одиноким погребальным холм возвышался на вершине горы, припорошенный снегом. Вокруг переплетались голые ветви деревьев, и в завывающем ледяном ветре царили одиночество и запустение.

— Разве в деревне Лу нет общего родового кладбища? — нахмурился Цзи Жань. — В деревне Цзи, например, есть специальное место для предков. Раньше всех, кто умирал в пределах одного рода, хоронили вместе. Потом фамилии перемешались, но хоронить продолжали в одном месте.

На самом деле, не только в древности, но даже в современности, откуда был родом Цзи Жань, в деревнях существовали родовые кладбища. Бывали, конечно, случаи, когда из-за фэншуй хоронили отдельно, но такое случалось редко. И даже тогда могилы обычно группировались. Почти никогда не встречались такие одинокие захоронения. Что касается отсутствия надгробия — тут нечего было удивляться. Даже в современности не на каждой могиле ставят стелу, не то что в древности.

Но это касалось других людей. Ключевым же было то, что Лу Чжэнь — другой. То, что его похоронили так убого, ещё можно было как-то понять, но отсутствие даже таблички уже ни в какие ворота не лезло. Всё-таки он был посмертно пожалован титулом генерала кавалерии, император щедро наградил — как же не нашлось средств на стелу?

— Родовое кладбище есть, — объяснил Лу Чжэнь, глядя на свою могилу без особых эмоций. — Но я умер на чужбине. По обычаю, таких нельзя хоронить на родовом кладбище, иначе фэншуй нарушится, не к добру. Вот и выбрали такое место. Когда император жаловал посмертные почести, было много наград, и велел устроить пышные похороны. Но дворец далеко, чиновники уехали — и всё добро тут же растащили родственники Лу. Никакой пышности не вышло, всё сделали просто.

Выслушав объяснение, Цзи Жань мысленно выругался. К этой омерзительной семье Лу у него уже не оставалось слов. Но украсть даже императорские награды — это требовало изрядной смелости.

— Тогда я очень злился, — продолжил Лу Чжэнь. — Но потом подумал: богатство — вещь внешняя. Я уже умер, что с того, если его не украдут? В конце концов, посчитал это выплатой долга за их воспитание в течение десяти с лишним лет. С тех пор мы в расчёте, никто никому не должен. — Тут он вздохнул. — Если бы не императорский брак, я бы предпочёл быть бродячим духом, чем оставаться в семье Лу.

Конец месяца ла. Предвесенняя стужа.

В канун Нового года деревня Лу, всю зиму пробывшая в спячке, снова ожила.

Всё в мире пробуждалось, лёд и снег таяли. Стояли ещё собачьи холода, но люди с невиданным энтузиазмом готовились к празднику. По сравнению с некоторыми семьями, которые начинали готовиться ещё в начале месяца ла, настоящая активность разворачивалась всего за несколько дней до Нового года.

В усадьбе Цзи тоже царил предпраздничный суеда: закупали провизию, развешивали фонари — все были заняты и радостны. Самый же счастливый был малыш Цзи Пинъань. Непонятно почему, но он особенно любил красный цвет. Увидев красные шёлковые ленты и фонари, украшавшие всю усадьбу, он хохотал без умолку, словно увидел что-то невероятное.

Все, кто был занят делами, находили минутку, чтобы подойти и пощекотать его.

<http://bllate.org/book/16271/1464617>